

ность кризиса культуры означает и возможность самоуничтожения человечества, что вовсе не противоречит рассматриваемой гипотезе, т. к. константность «массы Разума» прежде всего относится к мирозданию в целом, а не исключительно к планете Земля. Отсюда следует, что если где-то в космосе исчезает цивилизация, то на ее место неизбежно приходит новая. Таким образом, свобода движения разумных существ в направлении обеспечения собственного гомеостаза за счет увеличения хаотичности среды отнюдь не абсолютна, тем более что природной средой является и внутренняя среда человеческого существа — физиологическая и психическая. Будучи в определенном смысле дестабилизатором, **Разум дестабилизирует любую актуальную систему, в том числе и свои конкретные проявления**, оставаясь при этом устойчивой потенцией Мира. Может быть, в этом и заключается причина отсутствия связей с вземными цивилизациями, если таковые существуют.

В заключение отметим, что данная работа является попыткой установления и обоснования общих положений гипотезы константности «массы Разума», делающих возможным дальнейшее подробное и конкретное исследование того множества вопросов, которые возникают при изучении динамики человеческого социума как системной составляющей космической эволюции.

ББК 87.21

С. М. Усманов

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КАТАСТРОФА И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ДИАЛОГАХ С. Н. БУЛГАКОВА «НА ПИРУ БОГОВ»

Весной 1918 г. известный ученый и общественный деятель, профессор Московского государственного университета Сергей Николаевич Булгаков написал специальную работу для подготавливавшегося в Москве сборника статей о русской революции «Из глубины».

Надо отметить, что судьба данного сочинения С. Н. Булгакова сложилась более удачно, чем у всего сборника «Из глубины», который так и не появился в свет в 1918 г. Как известно, в начале 20-х гг. это издание хотя и было напечатано, но дошло до авторов и читателей в считанном числе экземпляров. И лишь в 1967 г. в Париже издательство «ИМКА-Пресс» сделало сборник доступным читателям и исследователям. Однако диалоги С. Н. Булгакова «На пиру богов» еще в 1918 и 1920 гг. были напечатаны отдельно — сначала в Киеве, а затем в Софии. Только в 1990 г. Московский государственный университет тиражом 130 тыс. экземпляров выпустил сборник «Из глубины» и в России.

Казалось бы, спустя десятилетия сборник «Из глубины» наконец-то вошел в фонд отечественной науки и культуры. И формально это действительно так. Но на деле, к сожалению, многое из высказанного авторами сборника девять десятилетий назад по-настоящему так и не услышано в нынешней России, что в очень большой степени относится и к упоминаемой работе С. Н. Булгакова. Слишком мало на нее откликов. Еще меньше — основатель-

© Усманов С. М., 2010

ных, качественных анализов поставленных в ней проблем. Так, известный знаток русской религиозной философии, нижегородский ученый Л. Е. Шапошников в своем обобщающем труде в параграфе о С. Н. Булгакове ограничивается лишь двумя краткими цитатами из интересующего нас сочинения мыслителя [5, с. 194]. А в исследовании Л. И. Василенко хотя и был обрисован взгляд Булгакова на проблему «Церковь и культура», тем не менее сами диалоги «На пиру богов» даже не упоминаются [2, с. 193—195].

К тому же делаются попытки умалить значение последнего программного выступления веховцев (каковым и был сборник «Из глубины»). Подобную тенденцию можно встретить даже в энциклопедических изданиях, где сборник «Из глубины» оценивается подчас довольно снисходительно, поскольку, дескать, он «носит в основном политический характер, и эта его устремленность сказывается на позициях авторов» [3, с. 177].

Мы не можем согласиться с подобными оценками. Ранее нам уже приходилось отмечать, что искания веховцев, нашедшие свое отражение в сборнике «Из глубины», составляют еще далеко не исчерпанный потенциал нашей общественной мысли [4, с. 55—57].

В этой связи включенный в сборник «Из глубины» текст С. Н. Булгакова — вполне оригинальное и очень глубокое по содержанию исследование той ситуации, которая сложилась в ходе Первой мировой войны и начавшейся революции. Стоило бы подчеркнуть тщательность подбора персонажей для диалогов. Это обязательно выразители значимых тенденций и направлений общественной жизни. Важно то, что герои С. Н. Булгакова мыслят, внимательно всматриваются в окружающее, не идут вслед за толпой, не стремятся броситься в водоворот революционных потрясений. Вот почему это типы тогдашней российской общественной мысли, персонифицированные в наиболее характерных образах, которые в состоянии дать определенные ответы на главные вопросы своего времени.

Пожалуй, среди всех героев сочинения Сергея Николаевича Булгакова наиболее слабая и несостоятельная фигура — Общественный деятель. Надо думать, автор совсем не случайно делает его таким, подчеркивая полное банкротство прежней «общественности», несущей прямую ответственность за происшедшее в России. Булгаковский Общественный деятель, как и многие его современники, потрясен и напуган. Он видит, что «на месте России — зловонная зияющая дыра», и отчаянно вопрошает: «Зачем мне суждено пережить Россию?» [1, с. 91]. Его естественная реакция — бежать: «Если удастся наскрести какие-либо средства, мечтаю уехать в Канаду. Там, может быть, начнется новая Россия, а здесь все загублено и опоганено» (111).

Совсем другой взгляд выражает Генерал. Он прямо заявляет о наличии «немецкого или масонского заговора», «чтобы свалить Россию» (102). Кроме того, и «инородческому отравлению надо много приписать в современной русской жизни, которая вся протекает теперь под знаком псевдонимности» (112). Особенно же резко обрушивается Генерал на русскую интеллигенцию: «Проклятая русская интеллигенция! Сначала одурила свою собственную голову, а потом отравила и развратила весь народ. <...> Соль земли! Гонимая, идейная, мученическая интеллигенция! Да это проказа, чума на теле России!» (121).

Мышление Генерала, как ему и полагается, по-военному четко и логично, поскольку, на его взгляд, для России необходимо православное царство, дисциплинированная и ответственная бюрократия, мощная армия и, нако-

нец, народ, который имеет не культуру и не образованность, а твердую веру. Но поскольку веру свою русский народ утратил, Генерал говорит: «...ничего светлого покамест я в русской жизни не вижу». Тем более что «трудно уже надеяться на всенародное движение к Церкви. В лучшем случае, она будет окружена кольцом неверия и равнодушия, а в худшем — может продолжаться и прямое гонение... ..К катакомбам надо готовиться, вот что!» (128, 133).

Не менее последователен в своих рассуждениях и Дипломат. Однако он основывается на совершенно иных идеях и ценностях. Если Генерал — православный монархист, то Дипломат — либерал-западник. Он и не скрывает, что его «дом», его «святыня» — это «европейская цивилизация» (95). Отсюда вытекает и объяснение Дипломатом поражений русских войск в ходе Первой мировой войны: «Не мог же я в самом деле допустить, чтобы полуварварский, дурно управляемый, экономически отсталый народ мог выдержать с честью испытание при столкновении с наиболее мощным из культурных народов (т. е. германским. — С. У.)» (92).

Отсюда следуют очень логичные для Дипломата выводы, совершенно естественные для русского западника, мировоззрение которого непременно включает в себя некоторое ожесточение к своей Родине: «Боже мой, неужели даже все происходящее теперь с Россией неспособно освободить русские головы от славянофильского тумана? Иногда мне прямо кажется, что эта мечтательность вреднее, ядовитее даже социалистического бреда. <...> Верно, только немецкие шпицрутены будут выколачивать из нас восточную химеричность и вселять трезвость» (141). Конечно же, все надежды Дипломата связаны с любимой Европой, которая, как ему представляется, и станет якорем спасения для России: «Европа не раз переживала кризисы и из них выходила возрожденной. Восстанет нормальная жизнь в Европе и теперь, да и в России восстановится...» (141—142).

Очень показательно то, насколько глубоко расходятся в своих взглядах те герои С. Н. Булгакова, которые относятся к правившему до революции слою, а именно Общественный деятель, Генерал и Дипломат. Посредством этих персонажей Сергею Николаевичу Булгакову удалось продемонстрировать некие реальные противоречия и кризисные явления, имевшие место в начале XX столетия в российской политической элите, не сумевшей выработать программу развития страны и не достигшей консенсуса в отношении основных мировоззренческих и культурных ценностей.

Несколько иначе обстояло дело в дореволюционной России с миром культуры и Церкви. В данном контексте весьма любопытно выглядят булгаковские Писатель, Светский богослов и Беженец.

Писатель в диалогах «На пиру богов» — это русский интеллигент, еще очень близко к сердцу принимающий нужды своего народа, но уже прошедший этап увлечения новейшими «прогрессивными» учениями из Европы. Для него характерен своего рода культуроцентризм.

На основе культуроцентризма Писатель и пытается определить также главные задачи на будущее: «Мы должны на себе теперь выдержать борьбу за душу народную прежде всего в сердцах своих, в тайнах своего духа не соблазниться о нем. Ведь если бы в эпоху Батыя или в Смутное время тогдашняя соль земли русской обуяла, и отчаялись бы ее духовные вожди, — а ведь не меньше были тогда для этого основания, — история заклеила бы их как малодушных. Россия на ужасы татарского ига ответила солнечным явлением преп. Сергия и всей сергиевской эпохой русской культуры, а в от-

вет на Смутное время явилась петровская Россия со всею нашей новою культурой» (115).

Таково обоснование будущих задач. А в самом начале диалогов Писатель показал их возможные результаты, более чем оптимистичные для событий 1918 г. в России. «Итак, верую по-прежнему, — провозглашал он, — что Россия воистину **призвана** явить миру новую... общественность, и час ее рождения **мог** пробить аппо 1914. Далее, участие в мировой войне **могло** оказаться великим служением человечеству, открывающим новую эпоху в русской, да и в всемирной истории, именно византийскую. Но этим, конечно, предполагается и изгнание турок из Европы и русский Царьград, как оно и было предуказано Тютчевым и Достоевским...» (93).

Сам Сергей Николаевич Булгаков тогда едва ли разделял столь радужные надежды. Ему, несомненно, были куда ближе два последних по списку участника диалогов — Светский богослов и Беженец, которые выражают дорогие для автора убеждения, да и происходят из близкой ему среды.

При некоторых различиях во взглядах только эти герои диалогов С. Н. Булгакова по-настоящему задумываются о миссии Церкви в настоящей и будущей России. Причем Светский богослов имеет более определенную позицию. Пусть он и мирянин (а потому только «светский» человек), но по сути и по духу он — настоящий клерикал. Разумеется, Светский богослов признает, что в дореволюционной России у Православной Церкви были свои трудности и проблемы. Церковь была пленена государством, и из нее поголовно ушла интеллигенция (122, 129). Кроме того, Церковь не сумела справиться с «народной смердяковщиной» (116). При всем том на положение Церкви после революции Светский богослов смотрит достаточно оптимистично: «Русская Церковь теперь свободна, хотя и гонима. А свободная Церковь возродит и соберет и рассыпанную храмину русской государственности. Ключ к пониманию исторических событий надо искать в судьбах Церкви, внутренних и внешних» (129).

Без сомнения, для решения столь масштабных задач необходимы какие-то новые силы и средства. Светский богослов в данном случае делает особый упор на способности и потенциальные возможности интеллигенции. Он прямо выражает надежду на то, что «уроки истории, пережитые испытания многomu научат интеллигенцию, углубят ее духовное сознание и, самое главное, подвигнут ее к воцерковлению» (126).

Богослов доказывает, что без интеллигенции Церковь в будущем обойтись не сможет: «...для Церковного роста необходим прилив сил, привычка к свободной творческой инициативе, и среди мира, и среди мирян. Вот почему такое значение имеет теперь приближение интеллигенции к Церкви. В отрыве от Церкви она погибнет, но и Церкви не справиться со своими очередными задачами без прилива свежих сил. А при этом условии ей не страшна и реакция. Церковь приобретет независимость и упругость вместе с навыками к борьбе и окажет противодействие новому насилию» (133).

Несколько иначе понимает и истолковывает эти же проблемы булгаковский Беженец. Он отчетливо понимает, что речь идет о бедствии общечеловеческого масштаба, «всеобщей катастрофе». В то время как почти все его собеседники понимают происходящие события как «кризис России», он настаивает: «В действительности этот кризис идет гораздо глубже. Его терпит вся европейская культура, и русская интеллигенция есть лишь здесь наиболее чуткий барометр» (126). Беженец видит в социализме «симптом мирового

распада», когда «весь мир превращается в огненную массу, и некуда укрыться от напора бешеных волн» (128, 142).

Судьба России представляется Беженцу куда более драматичной, чем «оптимисту» Светскому богослову. Да и вообще Беженца это гораздо больше волнует. Он намекает, что против России осуществляется некая «духовная провокация»: «...здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор, бдит своего рода черное привидение: “Некто в сером”, кто похитрее Вильгельма (императора Германии. — С. У.), теперь воюет с Россией и ищет ее связать и парализовать. Чем-то она мешает тому, кто рвется к жадному господству над миром» (109—110). Беженец видит в данном процессе и перспективу: «Я определенно хочу сказать, что вот эти старые государства, ведущие теперь кровопролитную войну, принадлежат прошлому, их уже нет в плане истории, а на развалинах их, или, если хотите, из них создается одно государство, совпадающее по площади со всем культурным миром» (108).

Вот почему Беженец совсем не разделяет энтузиазма Светского богослова, полагая, что в 1917 году «окончилась константиновская эпоха в истории Церкви и началась следующая, имеющая аналогию в эпохе гонений и катакомбном периоде существования Церкви» (137). Как полагает Беженец, Русской Церкви «надлежит победить и свою собственную замкнутость», и тогда в ней «сверкнет белый луч мирового Преображения» (141).

Нельзя не заметить актуальности этих размышлений булгаковского героя и в наши дни, когда в России идет поиск национальной идеи, когда в стране очень недостает действительной устойчивости в фундаментальных основах ее бытия. Так, мы можем наблюдать определенную недооценку проблем культуры даже в церковных кругах. Конечно, за последние полтора десятка лет много сил ушло у подвижников Церкви на восстановление храмов и монастырей, на устройство приходов и другие нелегкие труды по восстановлению разрушенного в годы советской власти. И все-таки, на наш взгляд, в церковной среде не обратили должного внимания на актуальность задач духовного просвещения в сфере культуры. Вспомним, как на рубеже 80—90-х годов XX столетия достаточно многие предлагали ввести в школах преподавание Закона Божия.

Сейчас Русская Православная Церковь прилагает много усилий для введения изучения в средней школе уже основ православной культуры. При этом подчеркивается, что данный курс не является катехизическим, не ставит задач непосредственного воцерковления учащихся, а представляет собой культурологическую дисциплину. Но в наши дни даже такие весьма сдержанные пожелания вызывают упорное сопротивление скрытых и явных противников Церкви.

Думается, что если бы с самого начала постсоветской эпохи в церковных кругах акценты были расставлены более точно, если бы не выдвигались заведомо несбыточные предложения, то и в изучении традиций православной культуры в нашей стране мы бы имели куда больше успехов.

История вопроса о появлении в постсоветской России учебного курса «Основы православной культуры» — лишнее свидетельство тому, что самые главные, жизненные проблемы культуры, равно как и всего общественного развития в целом, невозможно игнорировать и отвергать до бесконечности. Они все равно встанут в повестку дня. И их придется решать — так или иначе. Желательно — с возможно большей основательностью и подготовленностью.

Русской Церкви действительно предстоит решать великие задачи в области культурного творчества. Она должна снова «облагодатствовать» русский гений, как предвещалось девяносто лет назад в сборнике «Из глубины» устами героев Сергея Николаевича Булгакова. Однако для исполнения этих великих задач должен быть основательно постигнут и усвоен исторический опыт нашей культуры, в том числе и наследие веховцев.

Библиографический список

1. *Булгаков С. Н.* На пиру богов. Pro и contra : современные диалоги // Из глубины : сборник статей о русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 90—144. Далее ссылки на страницы этого издания даются в тексте статьи в круглых скобках.
2. *Василенко Л. И.* Введение в русскую религиозную философию / Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. М., 2003. 304 с.
3. *Сапов В. В.* «Из глубины» // Русская философия : словарь. М. : Республика, 1995. С. 177.
4. *Усманов С. М.* Устойчивость и катастрофизм в мировидении веховцев // Российская интеллигенция и ноосферная динамика. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. С. 51—58.
5. *Шапошников Л. Е.* Очерки русской историсофии XIX—XX вв. Н. Новгород : Нижегородский гуманитарный центр, 2002. 241 с.

ББК 60.023

Е. А. Карнаева

ПРАВОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИИ РФ КАК ОСНОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Профессор Н. П. Антонов в своих трудах по философии ноосферы отмечал: «Ноосфера — сфера разума — одна из геосфер Земли, поверхностная оболочка ее, охваченная сознательной, преобразующей природу разумной деятельностью людей. <...> Важнейшим признаком ноосферы в области общественных отношений является переход от стихийного развития общественного производства к сознательному регулированию, планированию его развития» [1, с. 169]. Его научная мысль опередила время и претворилась в жизнь в масштабе планетарном, международном. Римский клуб, а за ним и Организация Объединенных Наций, иные международные организации признали необходимость перехода к новой форме взаимоотношений природы и общества — к устойчивому развитию.

Под устойчивым развитием (УР) на данный момент понимается развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности [2]; стратегия управляемого, поддерживаемого, регулируемого развития, не разрушающего окружающую природную среду [5, с. 36].

В России разработано множество научных подходов к определению УР: философский, экономический, экологический и др. В каждом из них описаны принципы, этапы, задачи, темпы перехода к модели УР, но все они являются научными теориями, на данный момент не получившими практической реализации.

© Карнаева Е. А., 2010